

К Реке Забвения Люцзин подошёл как раз в тот момент, когда несколько якшей покупали похлёбку у Цзюцина. Ещё издали до него донёсся гул голосов, но слов было не разобрать. Он не спеша направился к ним, однако три земных якши заметили его первыми.

— Приветствуем господина Судью, — хором прохрипели они.

Все трое были земными якшами: иссиня-чёрная кожа, безволосые бугристые черепа, напоминающие верблюжьи горбы, и свирепые морды. Истинные порождения преисподней.

Заметив их почтительный поклон, Цзюцин понял, кто пришёл, и поспешно обернулся. Люцзин как раз подошёл к нему. Сохраняя степенное выражение лица, Судья слегка взмахнул рукой и обратился к патрульным:

— Вы на службе, оставьте церемонии.

Поклонившись ещё раз, старший якша произнёс:

— Тогда мы не смеем мешать господину Судье. Нам пора возвращаться к дозору.

Якши вскинули тяжёлые железные пики и скрылись в тумане.

Как только они ушли, Цзюцин спросил:

— Что привело тебя сюда в такой час?

— Кое-что нужно обсудить, — понизив голос, ответил Люцзин.

Это разожгло любопытство торговца.

— И что же?

Люцзин наклонился к самому его уху и зашептал так тихо, чтобы расслышать мог только собеседник:

— Завтра Праздник середины года. Врата духов распахнутся, и души устремятся в мир живых. Я хочу воспользоваться этим и отправиться в человеческий мир. Моё положение в Подземном царстве укрепилось, пришло время вернуться в мир живых и разузнать о своём прошлом.

На лице Цзюцина отразилось понимание, но мгновение спустя он удивился:

— Постой... Ты что, не знал? С твоим статусом Судьи ты можешь в любое время свободно покидать Фэнду и отправляться в мир живых.

— Что?! — у Люцзина от изумления даже голос сорвался.

Цзюцин посмотрел на него со смесью жалости и презрения:

— Скажи на милость, ты законы Подземного царства вообще открывал?

«Да откуда мне знать?! — мысленно взвыл Люцзин. — Ни одна призрачная душа мне об этом и словом не обмолвилась!»

Выходило, что все эти полгода он из кожи вон лез, гнул спину и всячески заискивал перед Яньгу лишь ради того, чтобы получить милостивое разрешение покинуть преисподнюю. И теперь выясняется, что он мог сделать это в любой момент! Полгода усердных трудов пошли прахом.

Обида душила Люцзина. Яньгу, этот хитрый лис, утаил от него столь важную деталь!

— А ты-то почему помалкивал? — сердито буркнул он Цзюцину.

— Так ты не спрашивал, — пожал плечами тот.

Люцзину захотелось придушить этого простофилю. Ладно, сейчас не до пустых споров.

— Забудем пока об этом, — отмахнулся он. — Раз уж завтра Праздник середины года, давай отправимся в мир живых вместе? У тебя появится возможность повидать Синьи.

Стоило прозвучать этому имени, как задор мигом сошёл с лица Цзюцина. Он потускнел, понурил голову и тихо, с тоской вздохнул.

— Двадцать лет прошло... — мягко заметил Люцзин. — Неужели ты до сих пор не отпустил её?

Цзюцин устремил взор вдаль, туда, где вдоль Дороги Жёлтых источников полыхали багровые огни. Но этот ядовито-яркий свет не мог разогнать его внутреннюю тьму.

— Разве я не хочу? — глухо отозвался он. — Когда я только очутился здесь, я бредил ею каждую ночь, каждую земную секунду. Но смерть разделила нас, мы теперь по разные стороны бытия. В каком обличье мне предстать перед ней? Как её возлюбленному или как покойному мужу?

Люцзин нахмурился:

— А разве есть разница? И покойным мужем, и возлюбленным остаёшься ты сам.

Цзюцин вспомнил образы из прошлого, скрытые от Люцзина: их первая встреча, робкие прикосновения и её смущённое, прекрасное лицо в брачную ночь.

— В том-то и разница, — покачал он едва заметно головой. — Возлюбленный должен быть живым. А покойный муж... Покойный муж мёртв.

Горечь в его голосе заставила Люцзина умолкнуть на полуслове.

— И потому за целых двадцать лет ты ни разу её не навестил?

— Я боюсь, — признался Цзюцин. — Боюсь, что увижу её и уже не смогу уйти. У живых есть страсти, но и призракам не чужды привязанность, ревность и скорбь. Я ведь потому и отказываюсь пить суп забвения Матушки Мэн — не могу заставить себя забыть её. Когда мы только встретились с Синьи, я мечтал украсть у своей следующей жизни хотя бы десяток лет, чтобы провести их рядом с ней. Но судьба распорядилась иначе. Желать недостижимого и не уметь отпустить... Пожалуй, нет слов более горьких, чем эти.

Его преданность граничила с безумием, и Люцзин не знал, какими словами его утешить.

— Понимаю твою гордость. Но Чжиюэ только что покинула этот мир. Сейчас у Синьи никого не осталось, некому даже утешить её. Разве это не повод вернуться?

Люцзин бил без промаха: Синьи была главной уязвимостью Цзюцина. И действительно, стоило упомянуть её горе, как решимость призрака дрогнула, и он смутился.

— Я... — выдохнул он.

— Думай сам. Идти или нет — решать только тебе, — вздохнул Люцзин и повернул обратно.

Приближение Праздника середины года чувствовалось повсюду. Призрачный рынок бурлил пуще прежнего, улицы запрудили толпы неупокоенных душ. Пробраться к Дворцу Яньло сквозь это варево казалось делом почти невозможным. Повсюду сновали калеченые призраки: кто-то волочил оторванные конечности, кто-то придерживал вываливающиеся внутренности. Опасаясь ненароком наступить на чьи-нибудь кишки и выслушать в ответ поток отборной призрачной ругани, Люцзин отказался от пешей прогулки. Сотворив заклинание перемещения, он в то же мгновение соткался из воздуха прямо перед воротами Дворца Яньло. Перед тем как войти, поймал себя на мысли, что позже нужно обязательно поговорить с Вэй Чжиюэ.

Яньгу отличался поразительной проницательностью. Хотя Люцзин выполнял свои обязанности без единой пометки, его мысленное отсутствие не укрылось от Яньгу. Как только призрачные стражи увели последнюю осуждённую душу, Яньгу воспользовался передышкой и спросил:

— Ты не нашёл Цзюцина?

— Нашёл, — уныло отозвался Люцзин.

Уткнувшись взглядом в стол, он левой рукой вяло придерживал Книгу Жизни и Смерти, а в правой сжимал кисть с киноварью. Он выглядел крайне утомленным.

— И почему же ты тогда выглядишь так, словно тебя самого только что судили? — поинтересовался Яньгу.

Стоило вспомнить разговор у реки, как Люцзин снова тяжело вздохнул:

— И не спрашивай. Даже говорить об этом не хочу.

Яньгу с любопытством склонил голову набок, силясь разгадать его мысли:

— Что так? Неужели он наотрез отказался возвращаться в мир живых?

«Они что, все читать мысли умеют?» — мысленно изумился Судья, а вслух произнёс:

— Не совсем. Он просто не знает, какими глазами смотреть на Синь.

Янь-ван тонко усмехнулся:

— Возможно, оно и к лучшему. Если он вернётся и увидит, как сильно всё изменилось, это ранит его ещё сильнее. Кто знает, что он тогда натворит.

— Что ты имеешь в виду? — Люцзин прищурился. В словах правителя явно крылся какой-то двойной смысл.

Яньгу не удостоил его ответом. Он лишь зашуршал бумагами, вновь принимаясь за разбор донесений. Немного таинственности ему не повредит — так куда интереснее.

— Смертельно ненавижу, когда не договаривают, — проворчал Люцзин, недовольно косясь на него.

Яньгу оторвался от свитков и пристально посмотрел на юношу:

— Вот как? Хочешь сказать, если я открою тебе эту тайну, ты восплаешишь ко мне нежными чувствами?

Встретившись с ним взглядом, Люцзин смешался. Слова Янь-вана заставили его смутиться, он слегка покраснел. Что за странные намёки?

— Не знал, что вы столь искусны в лести, господин Яньгу, — быстро отчеканил он, пытаясь вернуть самообладание. — Но боюсь, вы тратите красноречие попусту: я не женщина.

С этими словами Люцзин демонстративно отвернулся к своему столу.

Яньгу мягко, почти невинно улыбнулся:

— А я и не принимал тебя за женщину.

«Все ли владыки преисподней так искусно водят за нос и при этом умудряются сохранять столь невозмутимый вид?» — подумал Люцзин. Голова шла кругом, а мысли путались благодаря хитрым уловкам Яньгу.

С наступлением ночи Призрачный рынок преобразился, озарившись тысячами огней. С ледяным дыханием загробного ветра в торговые ряды ворвались сонмы крошечных светящихся искр. Они парили под высокими сводами, сплетаясь в мерцающие голубоватые облака, которые заливали улицы призрачным сиянием.

Рынок по-прежнему гудел, но толпа заметно поредела, освободив дорогу для праздных гуляк. Люцзин и Яньгу шли плечом к плечу. Пурпурно-красные одежды Янь-вана резко выделялись во мраке, а пленительный облик приковывал к себе взгляды случайных прохожих.

В толпе шептались. О неземной красоте господина Яньгу слагали легенды: говорили, что прелесть его — в манерах, искушение — во взгляде, коварство течёт в его жилах, а сама плоть его соткана из чистой чувственности. И это не было преувеличением. Высокий, статный, он казался совершенным изваянием, равных которому не сыскать во всех трёх мирах.

Люцзин, увлечённый разглядыванием искусно расписанных фонарей, не замечал всеобщего благоговения. Его внимание привлекли плывущие над головой светящиеся скопления. Не в силах больше сдерживать любопытство, он спросил:

— Повелитель, что это за мерцающие искры там, наверху?

Яньгу проследил за его жестом и поднял голову. Тёмные шёлковые пряди скользнули по его

плечам, распространяя тонкий, пьянящий аромат.

— Это костяные прилипалы, — негромко ответил он.

— Костяные прилипалы? Что это?

— Цветы, что растут у самого устья Жёлтых источников, — пояснил Яньгу. — У них нет листьев, только бутоны из пяти сросшихся лепестков на длинных, тонких стеблях. Сами они угольно-чёрные, но излучают слабое лазурное свечение. Сюда их приносит холодным сквозняком из провала.

Люцзин удивился, что у врат смерти может существовать нечто подобное.

— Но почему каждый раз, когда я пытаюсь поймать их, пальцы проходят сквозь пустоту?

— Это цветы владычицы Хоуту, — усмехнулся Яньгу. — Прикоснуться к ним дано лишь правителям преисподней.

Люцзин понимающе кивнул, наконец разобравшись, почему таинственный свет неизменно выскальзывал из его рук.

— Пусть коснуться их можем только мы, — продолжил Янь-ван, — эти цветы охотно селятся на душах умерших. Любой призрак, прошедший сквозь Жёлтые источники, уносит на себе их невидимые семена. Мёртвым они вреда не причиняют, даже укрепляют их призрачную суть. А вот для живых эти семена смертоносны.

— В каком смысле? — нахмурился Люцзин.

Яньгу охотно принялся объяснять, смакуя пугающие подробности:

— Попадая на живую плоть, цветок начинает медленно пожирать её изнутри. Сначала жертва чувствует лишь тупую, ноющую боль. Затем кожа лопается, сочась сукровицей. Мышцы и жилы загнивают, обнажая кости, пока всё тело несчастного не покроется чёрными стеблями прилипал. Процесс этот долгий, и поверь мне — в муках человек успеет проклясть тот день, когда появился на свет.

От этих живописаний у Люцзина невольно побежали мурашки по коже, будто паразит уже пустил корни в его собственном теле.

— Тебе совершенно не идут подобные разговоры, — сглотнув, пробормотал он.

Яньгу насмешливо взглянул:

— Отчего же?

— Это напрочь рушит твой образ. Когда такое чудовищное злодеяние описывают с твоим ангельским лицом... Честное слово, мороз по коже дерёт.

Чтобы подтвердить свои слова, Люцзин даже поёжился.

Яньгу негромко рассмеялся, и смех его был прекрасен, словно весеннее цветение.

— Не забывай, милый Судья, — вполголоса проговорил он, — я всё-таки владыка ада. В подземном мире нет ужасов, которых я бы не повидал.

Люцзин мысленно вздохнул. И впрямь, за изысканной внешностью скрывался безжалостный судья мёртвых.

— Ох, беда твоя в том, что ты чертовски красив, — негромко пробормотал он.

— Пойдём обратно, — предложил Яньгу. — Полюбуешься праздником завтра. Вот тогда здесь зажгут праздничные фонари, а по Реке Забвения поплывут поминальные лампы. Вот это будет зрелище.

Послушавшись его совета, Люцзин не стал задерживаться. Они вернулись в Терем Лунного Сияния, где их уже поджидал изысканный ужин, приготовленный молодым господином Хухэ. После купания Люцзин собирался навестить Цзюцина и Вэй Чжиюэ в их убогой хижине у реки, но в главном зале наткнулся на одиноко сидевшего за чайным столом Хухэ. Тот сидел неподвижно в колеблющемся свете свечей, окутанный глубокой печалью.

Лис смотрел в пустоту, красивое лицо казалось безжизненной маской. Люцзин привык видеть его либо холодным, либо раздражённым, но сегодня в полумраке просторного зала угадывалось лишь щемящее одиночество. Одна недопитая чашка, едва теплящиеся свечи и безмолвная фигура, затерянная среди теней.

Люцзин замер на пороге, подолгу разглядывая его. Нахлынувшие воспоминания больно отозвались в груди. Пускай они с Хухэ не были близки, в сердце Судьи давно жила тихая, затаённая нежность к этому нелюдимому существу — слишком уж сильно тот напоминал ему о безвременно погибшем младшем брате.

Люцзин нерешительно переступил с ноги на ногу, не зная, стоит ли нарушать уединение лиса. Но в конце концов сделал шаг вперёд и негромко позвал:

— Хухэ.

Лис вздрогнул и медленно поднял глаза. Увидев приближающегося Люцзина, он недовольно нахмурился. Было очевидно, что появление Судьи в столь поздний час стало для него неприятной неожиданностью.

— Чего не спишь? Чего бродишь тут посреди ночи? — процедил он сквозь зубы.

В воздухе плыл терпкий аромат свежесваренных листьев, хмелем даже не пахло. Но Люцзину почему-то показалось, что сидящий перед ним лис пьян без вина.

— Я собирался ненадолго отлучиться по делам, — мягко ответил он. — Не думал застать тебя здесь.

Хухэ презрительно хмыкнул:

— Какая нелепость. Насколько мне известно, Терем Лунного Сияния тебе не принадлежит. С чего бы мне не сидеть там, где вздумается?

Люцзин подошёл ближе и без приглашения опустился на соседнее сиденье.

— Я лишь удивился, что ты коротаешь ночь в одиночестве, — примирительно произнёс он.

Хухэ издал короткий, язвительный смешок:

— Что, теперь мне нужно спрашивать твоего высочайшего позволения, чтобы выпить чашку чая?

Проигнорировав колкость, Люцзин прямо спросил:

— Что-то случилось? Тебя что-то тревожит?

Вместо ответа Хухэ сделал очередной глоток, словно не расслышав вопроса.

Не обращая внимания на его показную холодность, Люцзин продолжил:

— Если стряслась беда, поговори с Яньгу. Вы давно близки, он обязательно поможет тебе.

Хухэ резко поставил пиалу на стол. Он разгневался:

— Люцзин, тебе когда-нибудь говорили, насколько ты невыносим? Прекрати совать нос в чужие дела.

Его внезапная вспышка обескуражила Судью. Люцзин прекрасно понимал, что гордый лис никогда не откроет ему душу. Он советовал обратиться к Янь-вану лишь потому, что знал об их давней дружбе, но Хухэ истолковал его заботу превратно.

— Считаю это пустой навязчивостью, — вздохнул Люцзин. — Но не держи всё в себе.

«До чего же упрямый малый, сладу с ним нет», — подумал он.

Хухэ на мгновение замер. В его душе шевельнулось странное замешательство. Прежний Люцзин никогда бы не стал уступать или терпеть чужие капризы; он всегда отличался вздорным нравом и эгоизмом. Почему же теперь он говорит так кротко? Неужели перерождение действительно способно настолько изменить чью-то суть?

— Я ведь вижу, что тебе худо, — мягко добавил Люцзин, заметив, что колючие пререкания сошли на нет. — Поделиться болью всегда легче, чем нести её в одиночку, верно?

Хухэ криво усмехнулся:

— Решил поиграть в благородного спасителя, раз уж тебя самого это не касается?

— Вовсе нет, — поспешно возразил Люцзин. — Я всегда считал тебя близким человеком.

Конечно, в этих словах крылась изрядная доля лукавства, но намерения его были чисты.

Лис принялся задумчиво вертеть в пальцах тонкую глиняную пиалу. Он сосредоточенно разглядывал узоры на ней, но мысли его витали где-то очень далеко.

— Близким? — негромко повторил он с горькой усмешкой. — Не смею напрашиваться на столь высокую честь, господин Судья. Сделай милость, возвращайся к себе. Твоё присутствие здесь только раздражает меня.

Люцзин понял, что продолжать этот разговор бесполезно. Добиться от этого упряма хотя бы пары нормальных фраз без яда — задача, непосильная даже для богов. Будь это обычный вечер, он бы из чистого упрямства остался сидеть рядом, чтобы окончательно допечь гордеца. Но сегодня его ждали дела поважнее, а потому он решил проявить великодушие и уступить.

— Ну что ж, я ухожу, — сдался Люцзин, поднимаясь со стула. Но на полпути к выходу всё же не удержался от заботливого наставления: — Чай у тебя, конечно, отменный, но на ночь глядя много пить не стоит. Иначе до рассвета глаз не сомкнёшь.

Не дождавшись ответа, он лишь тихо вздохнул и покинул полутёмный зал.

<http://bllate.org/book/18339/1810054>